

Смех в пустом ночном воздухе звучал на редкость жутко.

Однако... третье число третьего месяца?

Цзян Ту точно помнил, что сейчас начало осени — седьмой месяц по лунному календарю. До весеннего праздника было так же далеко, как от неба до земли.

Что же до призыва «поднимать паланкин» — Цзян Ту огляделся, подставив лицо ледяному ветру, но не заметил ничего, хотя бы отдаленно похожего на свадебные носилки. Более того, стоило ему повести взглядом, как блуждающие огоньки испуганно затрепетали и съежились, превращаясь из ярких сполохов в едва заметные искры. Похоже, они его до смерти боялись.

Цзян Ту медленно разжал и вновь сжал пальцы.

Еще в тот миг, когда призрачное пламя только вспыхнуло во тьме, он приготовился к бою. Но, судя по всему, угроза оказалась пустой — много шума из ничего. Бояться здесь было нечего.

Куда больше его занимал...

Цзян Ту опустил взгляд на лохматую макушку рядом с собой.

Е Хуай, едва успев прильнуть к нему, отпрянул, словно от удара током, и поспешно восстановил безопасную дистанцию. Но всё его тело было напряжено до предела, а пальцы, до этого судорожно сжимавшие полу чужого одеяния, переползли на рукав и вцепились в ткань так крепко, что побелели костяшки.

Цзян Ту невпопад подумал, что с момента их встречи этот мальчишка еще ни разу не совершал столь резких движений.

Понимая, что дело неладно, он мягко коснулся плеча Е Хуая:

— Что случилось?

— К-кто-то... кто-то дышит мне в затылок! — испуганно выдохнул тот, и голос его сорвался на дрожь.

Дышит в затылок?

Цзян Ту слегка нахмурился. Он резко вытянул руку в темноту, растопырив пальцы, и что-то ухватил. В его ладони мгновенно оказалась зажата крошечная, бьющаяся в судорогах искорка призрачного огня.

Он безжалостно сжал кулак.

Огонек с тихим шипением погас.

— Теперь всё? — снова спросил Цзян Ту, наклонив голову.

Е Хуай покачал головой:

— Больше... больше никто не дует.

Он видел, с какой легкостью его спаситель развеял призрачную тварь, и поспешно опустил взгляд, пряча бурю чувств, бушевавшую в душе.

С самого рождения Е Хуая растили как сосуд для парного совершенствования. Ему не позволялось изучать истинное бессмертное искусство; единственное, в чем он преуспел — это в умении спастись бегством. И пускай за свою недолгую жизнь он навидался грязных и жестоких пыток, которым подвергали таких, как он, при виде банального призрачного огонька его первой реакцией всё равно стал глупый, детский страх.

Он даже инстинктивно попытался спрятаться на груди у этого таинственного, незнакомого мужчины.

Как же стыдно. Какой же он ничтожный и бесполезный.

Е Хуай вжал голову в плечи.

Заметив, как поник пригретый им звереныш, Цзян Ту не стал допытываться о причинах, списав всё на потрясение от пережитого страха. Напуганного зверя лучше лишний раз не тревожить. Переведя внимание на окружение, он сосредоточился на происходящем.

В темноте вокруг них неведь откуда высыпали новые блуждающие огни. Они дрожали и колыхались на ветру, усеивая мрак зловещим хороводом.

Вновь зазвучал женский напев. На этот раз он раздался совсем близко, словно кто-то шептал прямо в ухо:

«Поднимайте паланкин... Ну же, скорее поднимайте паланкин, хи-хи-хи...»

Вслед за этим раздался пронзительный смех, напоминающий скрежет когтей по стене. Он доносился отовсюду сразу, лишая возможности понять, далеко источник или близко.

Но на этот раз дело не ограничилось одними звуками.

Кроваво-красный свадебный паланкин бесшумно проплыл мимо них. Он двигался беззвучно, и лишь четыре красных фонаря, подвешенные по углам его крыши, мерно покачивались, будто невидимые носильщики тяжело ступали по невидимой тропе.

В нос ударила густая, удушливая вонь разложения.

Е Хуай не видел, что у четырех углов паланкина вышагивали смутные человеческие силуэты. Облаченные в мертвенно-белые саваны, они резко контрастировали с багровым деревом носилок, словно разделяя мир на живое и мертвое.

Почувствовав на себе взгляд Цзян Ту, один из задних силуэтов внезапно дернулся. Его голова с сухим хрустом повернулась на сто восемьдесят градусов, являя неестественный, жуткий излом шеи.

И прямо перед лицом Цзян Ту предстала застывшая в безумной улыбке рожа!

Окажись на его месте обычный человек, он от такой картины непременно отшатнулся бы в ужасе, как бы ни был храбр. Но Цзян Ту за долгие века в преисподней нагладелся на чудищ куда более кошмарных. Он не только не шелохнулся, но даже с любопытством пригляделся к существу.

Ярко-красные щеки, грубо нарисованные, словно детской рукой, черты лица... Обычный бумажный человек, каких сжигают на похоронах.

Цзян Ту перевел взгляд на сам паланкин.

Алая свадебная повозка несла в себе мощную янскую энергетику, однако сопровождали ее исключительно мертвенные бумажные человечки, порождения чистой инь.

Забавно.

Вернув взор к уродливой харе, которая и не думала поворачиваться обратно, Цзян Ту со вздохом спросил:

— Ну и долго ты стоять будешь? Идти собираешься?

Бумажный человечек застыл в оцепенении.

Он растерянно огляделся по сторонам, словно не веря, что этот человек обращается именно к

нему.

Ни криков ужаса, ни мольбы о пощаде. Этот странный тип просто велел ему шевелиться и делать свою работу.

Зато Е Хуай не на шутку перепугался:

— Благодетель... с кем вы разговариваете?

Поскольку четыре бумажных человечка были лишь иллюзией, обычный человеческий глаз не мог их различить.

Цзян Ту окинул беспристрастным взглядом перекошенную бледную физиономию предводителя шествия и ровным тоном ответил:

— С уродцем одним. Не бери в голову.

Про себя он подумал: хорошо, что мальчик ничего не видит, иначе такое зрелище напрочь испортило бы ему эстетический вкус.

Бумажный человечек, казалось, оскорбился до глубины своей целлюлозной души. Он со скрипом развернул голову в правильное положение, и паланкин возобновил движение.

Правда, теперь он двигался неровно, то и дело покачиваясь и замирая, словно приглашая путников следовать за собой.

Цзян Ту не любил наживать себе лишних хлопот. Эта призрачная процессия была лишь порождением скопившейся здесь скверны, и развеять ее для него не составило бы труда. Однако, взглянув на напряженную спину Е Хуая, он передумал.

Будущему Дитя судьбы, которому предначертано стать божеством, не пристало быть столь трусливым. Мальчишке явно требовалась хорошая закалка.

Цзян Ту слегка кивнул, позволяя бумажным человечкам указывать дорогу, и неторопливо двинулся следом за паланкином.

Четверть часа спустя они вышли к окраине человеческого поселения, и зловещие носилки бесследно растворились в воздухе.

Однако багровое сияние не угасло: вдоль деревенской улицы на высоких шестах покачивались самые настоящие бумажные фонари. Их алый свет выхватывал из темноты очертания убогих лачуг и кривых улочек. Часть деревни ютилась у дороги, прочие же постройки тонули в непроглядном ночном сумраке.

Цзян Ту подошел к ближайшему дому и небрежно постучал в дверь.

На потрескавшемся дереве красовался огромный иероглиф «Двойное счастье» — «囍». Он висел здесь так давно, что края бумаги истрепались и выцвели, словно надпись постепенно вращалась в саму древесину.

Раздался негромкий стук.

Изнутри не донеслось ни звука. В повисшей тишине раздался тихий, неуверенный голосок Е Хуая.

Уставившись на странный знак, мальчик спросил:

— Благодетель, а что это за символ?

— Это иероглиф «Двойное счастье», — ответил Цзян Ту. Внезапно до него дошло значение вопроса, и он повернулся к спутнику: — Ты не умеешь читать?

Е Хуай виновато прикусил губу:

—... Нет.

Разумеется, кому придет в голову обучать грамоте живой сосуд для парного совершенствования?

В душе Цзян Ту шевельнулось мимолетное чувство жалости. Он мягко потрепал паренька по голове, решив про себя, что обучение этого волчонка стоит поскорее внести в список неотложных дел.

Их короткий разговор прервался. За дверью, словно выждав, пока путники замолчат, послышались тяжелые шаги.

Створка резко распахнулась.

Цзян Ту увлек Е Хуая на шаг назад.

Дверь, открывшись наружу, безжалостно разорвала пополам и без того ветхий красный иероглиф. Из образовавшейся щели высунулась иссохшая, покрытая глубокими морщинами голова.

— Вы кто такие? — спросил старик, одетый в простую крестьянскую холщовую рубаху. — Чужаки?

Цзян Ту даже бровью не повел:

— Мы сбились с пути в лесной чаще и вышли к вашей деревне. Позвольте нам остаться на ночлег.

Глубокая ночь. Босоногий юноша в погребальных одеждах и истощенный, едва живой ребенок, якобы «заблудившиеся» в чаще.

Эта парочка выглядела куда более зловеще, чем вся их Богом забытая деревня.

Крестьянин смерил их подозрительным взглядом:

— Сам я решить не могу. Идемте к старосте, пусть он рассудит.

Они направились к дому старосты.

Глава деревни Ван Афу оказался дряхлым стариком с вечно прищуренными глазами. Худой и сгорбленный, он походил на обтянутый кожей скелет; казалось, при каждом шаге его суставы вот-вот рассыплутся.

Цзян Ту терпеливо повторил свою просьбу.

Староста зажег тусклую масляную лампу, силясь разглядеть незваных гостей в полумраке:

— Наша деревня Множества Благословений... стоит у самого кладбища, чужаки сюда почти не забредают.

Он беззубо шамкнул ртом, растягивая бледные губы в подобии улыбки:

— Но раз уж к нам пожаловали такие господа, это истинное благословение. Двойная радость...

— Двойная радость? — переспросил Цзян Ту.

— Как раз вовремя господин пожаловал, — кивнул староста. — Через пару дней Хромой Ван из начала улицы выдает замуж младшую сестру. Почему бы вам не задержаться на пару дней да не выпить чарку праздничного вина?

Цзян Ту спокойно согласился:

— Что ж, примите мои поздравления. Раз почтенный староста столь радушен... мы с благодарностью принимаем приглашение.

Е Хуай послушно поклонился вслед за покровителем, заставив себя скрыть одолевавшие его сомнения. Даже неопытному мальчишке было ясно как день: в этой деревне творится нечто неладное. Врожденное чутье требовало бежать отсюда без оглядки, но почему Цзян Ту решил остаться?

Чего на самом деле добивается этот человек?

Староста выделил им две комнаты в уединенном заднем дворе.

Остановившись у порога, Цзян Ту нахмурился.

Деревня Множества Благословений редко принимала гостей, так что приличных комнат здесь не водилось — пришлось довольствоваться наспех прибранными пристройками для дров. Так, во всяком случае, уверял староста.

Но...

На дверях каждой из этих лачуг красовался все тот же символ «Двойного счастья» с загнутыми краями. Судя по слою пыли и потемневшей бумаге, наклеили его по меньшей мере полгода назад.

Символы висели на дверях Е Хуая, на амбарах и на всех постройках во дворе.

Неужели свадьба сестры Хромого Вана требовала таких приготовлений, что праздничные наклейки расклеили за несколько месяцев до торжества? Или же веселье в этой глуши не прекращалось круглый год?

Цзян Ту оборвал полет мыслей: улик пока слишком мало, а гадать впустую — лишь время терять.

Он протянул руку к засову, как вдруг краем глаза уловил зыбкое движение в тенях.

Цзян Ту замер и медленно повернул голову.

Позади не было ничего подозрительного, словно колыхнувшаяся тень ему просто померещилась. Однако он был абсолютно уверен: мгновение назад из темноты на них смотрели чьи-то жадные, недобрые глаза.

И этот взгляд предназначался не ему. Незнакомый наблюдал за Е Хуаем.

Перед врагами был беззащитный, не успевший даже ступить на путь совершенствования ребенок. Иными словами — лакомый кусок, легкая добыча, которую грех упустить.

Цзян Ту посмотрел на этот «лакомый кусок».

Мальчик не почувствовал чужого присутствия, но мгновенно отреагировал на движение Цзян Ту и поднял глаза:

— Благодетель?

Голос звучал покорно, однако все его существо по-прежнему выражало готовность к обороне, напоминая забившегося в угол дикого щенка.

Цзян Ту уловил это напряжение и после секундного раздумья произнес:

— У меня есть для тебя кое-что.

Он поднес ладонь к груди, заслоняя ее своей широкой спиной от посторонних глаз. В воздухе вновь сооткался призрачный бутон туми. Цзян Ту бережно сорвал один из лепестков, который прямо в его пальцах обратился в изящный замок долголетия.

— Если тебе будет грозить беда, этот замок убережет тебя, — негромко сказал он.

Разумеется, дело было не только в защите.

Выкованный из чистой духовной энергии преисподней, этот Замок долголетия служил маяком. Стоило вблизи Е Хуая зародиться хоть малейшему колебанию чужой силы — неважно, дружественной или враждебной, — Цзян Ту тотчас узнал бы его точное местонахождение.

Оберегать хрупкую жизнь Дитя судьбы было лишь сопутствующей задачей. Главное — прочно привязать мальчишку к себе.

Возможно, это решение отдавало холодным расчетом, но у Цзян Ту просто не оставалось времени, чтобы терпеливо завоевывать доверие этого дикого зверька. По крайней мере, не сейчас.

Цзян Ту уже приготовил несколько убедительных слов на случай расспросов, но Е Хуай лишь безмолвно склонил голову:

— Благодарю вас, благодетель.

Подобная покладистость удивила Цзян Ту. Он отрегулировал цепочку под тонкую шею подростка, бережно надел на него замок и негромко напутствовал:

— Моя комната прямо за стеной. Если станет совсем немоготу от страха, просто приди ко мне.

В преисподней никогда не существовало смены дня и ночи, но, немного поколебавшись, Цзян Ту неловко добавил:

— Доброй ночи.

После этого он решительно толкнул дверь своей лачуги, безжалостно разрывая наклеенный поверх засова иероглиф «□», и шагнул внутрь.

Е Хуай последовал его примеру и вошел в соседнюю комнату.

Заперев за собой дверь и трижды проверив засов, мальчик бессильно прислонился спиной к деревянным доскам и медленно сполз на пол.

Замок долголетия тяжело качнулся на его груди. Е Хуай поспешно сжал его в кулаке. Металл обдал пальцы холодом, но даже эта сталь не шла ни в какое сравнение с ледяным прикосновением рук Цзян Ту.

В душе Е Хуая бушевали сомнения.

Он своими глазами видел, на что способен этот человек: тот шутя, одной левой уложил заклинателя второй ступени. Захоти Цзян Ту причинить ему вред, у него не было бы ни единого шанса спастись. К чему тогда все эти сложности? Зачем дарить оберег?

Е Хуай чувствовал, что замок был создан из собственной духовной силы мужчины и выкован прямо у него на глазах. Получается, это была личная вещь его спасителя. А личные вещи, как слышал Е Хуай, дарят лишь тем, кто действительно дорог...

Неужели он напрасно подозревает этого человека?

Е Хуай крепче обнял колени. В темной, лишенной даже захудалой масляной лампы комнате очертания убогой мебели казались затаившимися хищниками. Страх сковал его тело, не позволяя сделать и шага к постели.

И как только этот Цзян Ту умудряется оставаться столь невозмутимым в подобных местах?

Мальчик решил провести всю ночь прямо здесь, у двери, и забраться на кровать лишь с первыми лучами солнца. Но жуткие картины пережитого дня раз за разом всплывали в его памяти. Кожу на затылке снова закололо, словно ледяное призрачное дыхание коснулось шеи.

Висевшие в изголовье кровати свитки с иероглифами в полумраке казались погребальными знаменами. А под кроватью было так темно, что там запросто мог спрятаться покойник, и никто бы не заметил.

В янтарных глазах Е Хуая отразилось мучительное сомнение.

Он осторожно коснулся пальцами замка долголетия.

Металл потеплел. Наверное, просто нагрелся от долгого соприкосновения с кожей.

Глубоко вздохнув, мальчик медленно поднялся на ноги.

Он вовсе не струсил. И уж точно не собирался бежать к Цзян Ту в поисках защиты.

Просто этот глупый замок сам стал слишком горячим.

<http://bllate.org/book/19047/1903364>